

В. М. Марков, И. Э. Еселевич

**ЗАМЕЧАНИЯ О ДВУХ РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИКОНАХ
ПЕРВЫХ ЛЕТ XVIII ВЕКА**

(Кафедра русского языка)

1. До настоящего времени отсутствует полная систематизированная история русской лексикографии, а потому уже само по себе обращение к описанию полузабытых лексикографических источников должно быть признано оправданным и важным. Задача настоящей заметки заключается в том, чтобы на основании сопоставления отдельных особенностей двух разноязычных лексиконов первых лет XVIII века показать их значительную филологическую ценность.

2. Первый из изучаемых лексиконов — русско-греко-латинский словарь Федора Поликарпова, озаглавленный „Краткое собрание именъ по главизнамъ расположеное тремя диалектами в пользу хотящимъ ведети свойство еллиногреческаго и латинскаго диалекта“, является составной частью малоизвестного „Букваря“ 1701 года. Оценка этого букваря, данная Браиловским [1], которая сводит его цели „к чисто религиозным“, представляется нам явно несостоятельной. О более широких, а именно учебно-просветительских задачах данного учебного пособия свидетельствует, в частности, включение в него интересующих нас трехязычных вокабул. „Можете наконец обрести, — пишет Ф. Поликарпов по поводу состава своего букваря, — и речений по вещемъ различныхъ к познанию греколатинска языка число немало, к поощрению беседъ и на вышшее к наукамъ возшествие“. Значение вокабул, как и букваря в целом, определяется уже тем, что составитель вносит в них латинский материал, отражая тем самым возросший в Петровскую эпоху интерес к древней европейской культуре. Однако здесь Ф. Поликарпов еще не осмеливается решительно порвать с традиционным отрицательным отношением к латинскому языку как к языку врагов православной церкви. Неодобрительно отозвавшись о произведениях Овидия и Вергилия, но тем не менее включая латинские слова, автор спешит успокоить благочестивого читателя: еще же и римская просто латинская писмена симъ припечатана зрятся и та не ко вреду ибо не римская но греческия сими твердятся зде догмы. Однако уже в 1704 году, когда цели петровских преобразований выявились вполне определенно, в предисловии к наиболее известному своему труду, к „Трехязычному лексикону“, Ф. Поликарпов решительно от-

¹ О Ф. Поликарпове см. Пекарский, „Наука и литература в России при Петре Великом“, СПб, 1862; Браиловский, „Федор Поликарпович Поликарпов — Орлов, директор московской типографии“. ЖМНП, сентябрь, 1894.

становит общеобразовательную ценность знания иностранных языков, а латинский язык рассматривает как язык, на котором созданы величайшие в мире культурные ценности и знание которого равно необходимо как „художнику“, так и „ратоборцу“. Так или иначе уже самое включение латинского материала в словарь 1701 года вызывает известный интерес. Между тем „Трехязычный лексикон“ Ф. Поликарпова полностью заслонил собою его первый лексикографический труд. Полному забвению лексикона 1701 года немало способствовала оценка, данная ему академиком П. П. Пекарским, указавшим, что собрание слов, включенное в букварь, „заимствовано из вокабул, изданных в Амстердаме Копиевским“ (2, стр. 176). В другом месте своего сочинения П. П. Пекарский несколько уточняет сказанное выше: „Вокабулы, помещенные в букваре Поликарпова 1701 года, заимствованы с некоторыми переменами и перестановками из сборника иностранных слов Копиевского“ (2, стр. 190). Последующие историки русского просвещения, подхватив слова П. П. Пекарского, в своем отрицательном отношении к включенному в букварь лексикону дошли до полного отождествления его с латино-русско-немецкими (голландскими) вокабулами, выпущенными в 1700 году в Амстердаме Ильей Федоровичем Копиевским¹ (ср., например, сочинение Булича — 3, стр. 198). Необоснованность такого отождествления мы и стремимся в дальнейшем показать.

3. „Nomenclator in lingua latina, germanica et russica“ Ильи Копиевского, построенный, как и словарь Поликарпова, по весьма распространенному в предшествующей лексикографической практике принципу тематического (смыслового) расположения материала, резко отличается как от древних книжных словарей, содержащих многочисленные ссылки на источники, так и от помещаемых в азбуковники алфавитов иностранных речей. Вокабулы Копиевского — первое известное нам лексикографическое пособие указанного типа, преследующее широкие учебные и чисто практические цели. Исследование лексического состава словаря и проведенный фонетический и морфологический анализ показали, что при составлении вокабул И. Копиевский, будучи поляком или белоруссом по происхождению, в значительной мере опирался на понятные ему белорусские (и отчасти польские) нормы. Несмотря на известную сложность четкого разграничения собственно русских и белорусских элементов в сфере письменно-книжного материала, мы полагаем, что белорусская основа „русских“ словарных единиц в вокабулах Копиевского не вызывает ни малейшего сомнения, а это первое и важнейшее, что исключает всякую возможность говорить о тождестве изучаемых источников.

4. В словарь Копиевского включено значительное количество слов, которые на фоне других показаний лексикона могут считаться белорусскими. Ср., например: малец, VI, 26; мозокъ, VI, 29; бондарь бочерникъ XXXV, 105; мождеръ ступка, XXVI, 90; швачка, XXXV, 105; кровь руда, VI, 38 и многие другие. Нередко белорусское слово предшествует литературному русскому, которое воспринимается как сознательно данный перевод белорусизма: кермаш торг, III, 15; зимно холодно, II, 7; ролья пашня, XX, 10; коваль кузнец, XXX, 104 и т. д. Здесь же отметим, что в соответствии с общим значительным преобладанием в белорусском языке (по сравнению с русским) полногласных сочетаний оказывается, что почти повсе-

¹ Наиболее полные сведения о И. Ф. Копиевском читатель найдет в сочинении Ф. И. Булгакова „Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства“, т. 1, стр. 300 и след.

местно формам с неполногласием, даваемым Поликарповым, в словаре Копиевского соответствуют полногласные формы. Ср.

Копиевский:

студено, холодно, зимно (II, 7)
морозъ (II, 7)
безбородыи (VI, 31)
козляя борода (VI, 31)
молоко (VI, 34)
череватыи (VI, 34)

Поликарпов:

студеность, хладъ (81 об.)
мразъ (81 об.)
безбрадыи (93 об.)
брада козляя (93 об.)
млеко (94 об.)
чреватыи (94 об.)

Обилие слов с неполногласием в словаре Поликарпова характеризует книжные, намеренно рассчитанные на требования определенного стиля установки этого пособия.

5. Наиболее яркие фонетические черты белорусского языка, отраженные вокабулами Копиевского, представлены в области согласных. Прежде всего может быть указано твердое белорусское р: ведрано (II, 7), пузырь на воде (II, 8), кудравые волосы (VI, 29), кривошый (VII, 40), грыва (X, 51), грибы (XV, 66, ср. у Поликарпова — грибы, 108), вечера (VIII, 45, ср. у Поликарпова — вечера, 99) и т. д. К рассматриваемой группе белоруссизмов относим и случаи ошибочного написания *рѣ* вместо *рѣ*. Особенно полно материалы словаря отражают далеко зашедший в белорусском языке процесс отвердения шипящих, захвативший не только *ш* и *ж* (шыло — XXXV, 104; ловушка на мышы X, 54; конюшый — XXXV, 105; жывица смола — XVII, 68; говяжьи хлевъ — XXVIII, 93 и др.), но и согласные *ч* и *щ*: чыреи (VII, 39 и 42), ошииник собачьи (X, 54), овечьи (XXVIII, 93), отчына (XXII, 79, ср. у Поликарпова — отчизна, 116), отчымъ (XXXVI, 106, ср. у Поликарпова — вотчимъ, 119), непиющыи вина (IX, 49), любящыи науки (XXXIV, 102) товарищыи (XI, 112) и т. д. О твердости *ч* свидетельствует и последовательно выдержанное написание конечного *ѣ*. Ср.

Копиевский

солнечныи лучъ (11,3)
обручь (IX, 49)
клячь (XXIV, 86)
ткачь (XXXV, 105)

Поликарпов

лучъ солнечныи (81)
обручь (100 об.)
клячь (122 об.)
ткачь (124) и т. д.

Характерны и написания, свидетельствующие об отвердении конечных губных: голубъ (XI, 56, ср. у Поликарпова — голубь, 104) и др. Наконец, в написании струця вместо стручья можно видеть отражение удвоения согласного, т. е. яркой белорусской черты. Что касается гласных, то здесь следует отметить отсутствие упорядочности в написании *о* и *а* как отражение аканья: зала или пепель (XXVI, 90), часть галавы (VI, 28), окарак (VIII, 47) и т. д. В словаре Поликарпова такого рода случаев нет. В заключение укажем написание шыя (VI, 31, ср. у Поликарпова — шея).

Проявлением особенностей белорусского именного склонения считаем флексию —и в предложном падеже единственного числа существительных женского рода, а также флексию —у, представленную большим количеством примеров в формах родительного и предложного падежей существительных мужского и среднего рода. Примеры: о поварни (XXVI, 89), о конюшни (XXVIII, 92), первое сядение при свещи (III, 17), стена с кирпичу (XXIV, 85), части лета, году (III, 12), плать ко стиранью поту (XXIX, 94), о человеку и о его частехъ (VI, 25), сушь в оулью (XII, 59), о деревни полю и селе (XX, 10), о одеянии и платию (XXXIX, 20) о игранью или игралишу (XLIII, 30) и т. д. Имена прилагательные мужского рода в именительном падеже единственного числа характеризуются в вока-

булах Копиевского флексией -ый(-ий) независимо от ударения: злый духъ (I, 2), добрыи ветръ (II, 8), ледовый мерзлякъ (II, 9), ножный персть (VI, 37), слепыи, хромый (VII, 39, 42) и т. д. Дважды отмечено отражение белорусского произношения данной формы без —й: кирпичны сараи (XXII, 54), оружейны дворъ (XXII, 81). Формы на -ый в лексиконе Поликарпова при учете общих книжных установок его составителя должны расцениваться как специфически книжные.

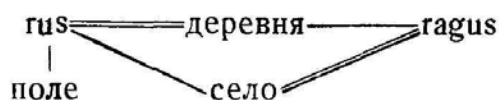
7. Таковы наиболее яркие белорусские черты, отраженные в вокабулах 1700 года. Учитывая тесную связь этих вокабул с лексиконом Поликарпова (т. е. не отрицая, но и не преувеличивая, известной зависимости последнего от первых), мы приходим к выводу о том, что перед нами ценные источники, созданные почти одновременно, а главное позволяющие как-то сопоставить однородные факты двух восточнославянских языков на рубеже XVII—XVIII столетий. Нет сомнения, что вокабулы Копиевского, содержащие значительный фактический материал, могут считаться немаловажным источником для истории белорусского языка, а между тем, это важно отметить, ссылка на них отсутствует даже в наиболее полных перечнях обычно привлекаемых материалов.

8. Возвращаясь к сравнительной характеристике наших лексиконов, отметим, что материал в них сгруппирован по тематическим разрядам, однако и в этом отношении между лексиконами, помимо сходства, наблюдаются и значительные расхождения. Прежде всего не совпадает количество глав: у Копиевского — 47, у Поликарпова — 35. Главы, одинаково или сходно озаглавленные, даны в разной последовательности, причем каждый лексикограф дает разделы, отсутствующие у другого. Сказанное может быть представлено в следующей таблице, в которой взята лишь незначительная часть полного сопоставления глав по словарям:

Копиевский		Поликарпов	
№ главы	Название главы	№ главы	Название главы
XX	о деревни полю и селе	33	о деревни и полю
XXI	о сосудехъ деревенскихъ	—	
XXII	о граде, о городе	26	о граде и яже сутя въ немъ
XXIII	имена странъ и народовъ	24	имена црствъ и земель
XXIV	о доме	32	о доме и яже приличествуют сему
XXV	о избе и вещахъ къ столу прилежащихъ	—	
XXVI	о поварни	—	
XXVII	о ложницы о спальни	—	
XXVIII	о конюшни	—	
XXIX	о мылни или банни	—	

Отмеченные расхождения обусловлены целями лексиконов — учебно-практическими вокабул Копиевского и учебно-просветительскими словаря Поликарпова. Исходя из практических установок, Копиевский дает в словаре большое количество глав чисто бытового содержания (XXIV, XXV, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX и др.); Поликарпов же, как следует из приведенной таблицы, теме „дом“ отводит лишь одну главу, правда обширную, но тем не менее исключаящую значительный ряд слов, даваемых Копиевским: крилець, лестница, жолобъ, тарелка, ложечникъ, кружка, фонарь, вилы и т. д. У Поликарпова отсутствуют данные Копиевским главы, тематически связанные с торговлей (о денгах — XLV), с ремеслом (о прядиве — XXXVIII). Характерно, что при относительном совпадении состава глав „о худож-

никахъ или рукоделникахъ“ у Копиевского и „о рукоделникахъ и рукоделияхъ“ у Поликарпова (из 36 слов в первом словаре и 30 во втором совпадают 24 слова) Копиевский более подробно перечисляет названия ремесленников, мастеровых: оловянный мастеръ, портной мастеръ, седляръ, колесникъ, поясникъ, мясникъ, прачка, швачка, иголникъ и т. д. Не одинаков состав и следующих глав: у Копиевского „о школе и о книгахъ“; у Поликарпова „о училищи и о книгахъ“. Если Копиевский включает в свою главу, помимо совпадающих у обоих составителей, слова, относящиеся к типографскому делу — переплетчикъ, печатникъ, друкаръ, линия, правило, окружалникъ, крейда и др., то Поликарпов дает больше слов, связанных со школой, наукой, распространением знаний: книгописецъ, хронографъ, летописецъ, космография, академия оучилище свободное разных наук и т. д. Исходя из просветительских задач лексикона, Поликарпов вводит в него специальную главу „о науках“. Не входя в более детальное рассмотрение состава глав (это выходит за рамки данной заметки), отметим лишь весьма интересный, с нашей точки зрения, факт: совпадение лексических единиц в словарях часто оказывается относительным, если принимать во внимание не только русский (белорусский), но и латинский материал. Дело в том, что совпадающие в лексиконах русские слова нередко связываются составителями с различными латинскими словами. Ср., например: земля сухая — *solum exsiccum* (К, стр. 74), но — сухая земля — *sicca terra* (П, стр. 121); гумно — *horreum* (К, 74), но — гумно — *area* (П, 121); хлебный* рядъ — *forum panarium pistorium* (К, 80), но — хлебный рядъ — *mercatus panum* (П, 116 об.) и т. д. Характерные связи с латинскими словами порой оказываются весьма показательными. Приведем в качестве примера данные в словарях названия населенных пунктов негородского типа — деревня, село, представив их в следующей таблице:

Двумя чертами здесь обозначены связи, представленные в словаре Поликарпова, одной — в словаре Копиевского. Сближение составителями русских существительных *деревня* и *село* через латинское *rus* с существительным *поле* отражает ранее употребление этих слов в значении „пашня, нива“. Таким образом, все перечисленные моменты достаточно ярко свидетельствуют о расхождении словарей не только с точки зрения различия их языковой основы, но и с точки зрения их состава и методов обработки лексического материала.

9. Изучение вокабул И. Ф. Копиевского и Ф. П. Поликарпова ставит перед исследователями ряд интересных задач. Прежде всего должен быть решен вопрос о месте наших словарей в истории русской лексикографии — задача, требующая детального анализа основных принципов подбора, включения и истолкования материала на фоне предшествующей и последующей лексикографической практики. Содержащийся в лексиконах материал достаточно обширен и разнообразен для использования его при изучении языка и культуры Петровской поры. В настоящее время мы связываем изучение этих лексиконов с разработкой большой историко-лингвистической темы: разноязычные лексиконы первой четверти XVIII века как важнейший лингвистический источник.

* В данной заметке мы не рассматривали белоруссизмов о области форм слово-производства, а между тем они не менее показательны, чем случаи указанные в тексте.